

ОБНОВЛЕНИЕ ИКОНЫ ВОСКРЕСЕНИЯ ХРИСТОВА И 12 ПРАЗДНИКОВ

По рассказу
последней оставшейся в живых
очевидицы этого чуда.

Говоря об обновившейся иконе, нельзя не сказать прежде всего несколько слов об Алле Михайловне Томской, через которую эта икона была получена. А. М. давала в Париже уроки пения. Она была подруга юности матушки Мелании, вместе с ней училась в Петербурге на Бестужевских курсах, после 40 лет встретила ее вновь в эмиграции и снова близко с ней сошлась. В 1933 году матушка Мелания, тогда еще Екатерина Любимовна Лихачева, сняла верхний этаж церковного дома в Аньере и устроила там маленькое общежитие для старушек, за которыми ухаживала с помощью послушницы сестры Лидии. Со времени приезда м. Мелании в Аньер Алла Мих. стала верной прихожанкой Аньерского храма и духовной дочерью Владыки Мефодия, тогда еще иеромонаха, и часто жила в общежитии у Матушки в одной комнате с ней и с сестрой Лидией. Весной 1935-го года Алла Мих. принесла в Аньер совершенно почерневшую икону, покрытую царапинами и дырами от гвоздей, и сказала, что эту икону ей передал Николай Соломакин — ее ученик. Николай снимал комнату в одной французской семье и был там дружен с детьми. Войдя однажды в детскую, он увидел на полу какую-то доску, с которой дети играли, царапая ее и вбивая в нее гвозди. Николай понял по форме, что это была икона, и попросил ее ему отдать. Зная благочестие своей преподавательницы, Николай пришел к ней с этой иконой, говоря, что хотя нельзя узнать, что тут изображено, это, вероятно, икона, и даже старинная... Алла Мих. принесла икону в Аньерскую церковь. Там Николай Николаевич Холодовский, художник-иконописец, долго ее рассматривал, сказал, что понять нельзя, что на ней написано и реставрировать ее нельзя. Единственное, что он мог сказать, это то, что, вероятно, икона эта 17-го века, — это можно узнать по доске.

Алла Мих. очень волновалась о судьбе этой иконы, и, чтоб ее успокоить и не соблазнять прихожан неведомым изображением, Владыка Мефодий решил поместить икону в алтаре.

22-го декабря 1934-го года по старому стилю Екатерина Любимовна была пострижена митрополитом Евлогием в мантию, с наречением имени Мелании, в честь преподобной Мелании Римляныни, празднуемой 31-го декабря. Около этого времени была закрыта обитель «Нечаянной Радости», основанная матушкой Евгенией Митрофановой... И в Аньер приехали оттуда 3 сестры: мать Никодима, сестра Елена Кандаурова и сестра Мария Рытова. Мать Меланию тяготила жизнь на приходе, и она мечтала о создании монастыря. Осенью 1935-го года ей удалось снять в аренду усадьбу в Розэ-эн-Бри в 50 км. от Парижа.

В начале октября она отправила туда Мануила Яковлевича Тихоновича, сестру Марию и сестру Лидию, чтоб привести в порядок очень запущенный дом, в котором никто не жил с 1900-го года.

Следует рассказ сестры Лидии:

«Мы втроем поселились в этом громадном доме. Там тогда не было ни электричества, ни плиты. Жили мы там совсем примитивно и приводили дом в порядок. Надо сказать, что Мануил Яковлевич оказался бесценным человеком. Ему тогда было под 60 лет, он недавно схоронил свою жену и очень по ней грустил. Я читала Псалтырь по его скончавшейся жене и с ним сдружилась в этот момент его большого горя. Когда он узнал, что мы собираемся уезжать из Аньера, то он пришел ко мне и сказал: «Сестра Лидия, возьмите меня с собой, я вам буду полезен, я все умею делать». Матушка благословила взять его с собой. Человек этот оказался действительно бесценным. Он все чинил, все строил, так например кивот, в котором теперь находится обновившаяся икона, он сделал. Он проводил электричество. Вся церковь в Розэ-эн-Бри им была оборудована, кадило, аналой и т. д. Матушка Мелания наезжала смотреть, как мы там справляемся, и предполагалось, что старушки переедут, когда все будет оборудовано. Алла Мих. тоже при-

езжала к нам время от времени и была самым близким и сочувственным другом. В какой-то момент из Анрьера нам прислали целый ряд икон, которые были лишние для Аньерской церкви и нужны для нашей новой обители. Между прочим, прислали и эту темную неведомую икону. Насколько у меня было сильно отталкивающее мистическое чувство к этой иконе, настолько у Аллы Мих. было, наоборот, очень сильное мистическое преклонение перед ней. Я рассердилась, увидав эту икону, и сказала: «Ну, конечно, на Тебе Боже, что мне негоже». Думали, куда ее повесить, хотели над дверьми, но я решила, что нет, ибо не знаешь даже, на что лоб перекрестить. Тогда решили ее повесить на дальней стене, где она не особенно была видна.

Дело в том, что в этот же 1935-ый год, 20-го октября, Владыка Евлогий должен был освящать храм во имя Пресвятой Троицы в Озуар ля Фэрнэр, в полпути между Парижем и нашим Розэ (т. е. в 25-ти км от нас), и было решено, что Владыка до обеда будет служить Литургию с освящением храма в Озуар, а после обеда приедет к нам освятить и благословить нашу новостроенную монашескую общину. Старушек тогда еще не было. Теперь жили в доме мы трое и матушка Мелания, которая тогда же приехала. Это освящение должно было быть в воскресенье 20-го октября в день св. муч. Сергия и Вакха. А накануне 19-го октября совершается память апостола Фомы. В этот день апостола Фомы все мы активно принимали участие в уборке дома, все приготавливали к освящению и приезду Владыки. Первую комнату налево мы определили как будущую церковь, а рядом с ней была комната матушки Мелании. Никакого иконостаса еще тогда не было. Был камин, который собой представлял какой-то центр. На камин поставили лампадку и наши лучшие иконы. Я натирала паркет, который оказался старинным и удивительно красивым, и изнемогла от усталости. В этот день к вечеру приехала Алла Мих. из Парижа и сразу: «А где моя икона? — Там, сбоку. — Почему сбоку? я хочу, чтобы перед ней горела лампадка. — Как же лампадка, ведь на ней ничего не видать. — Ты не понимаешь, это икона-мученица, на ней раны гвоздинные, как на Спасителе. — Это очень возможно, но поскольку неизвестно, что на ней изобра-

жено, то нельзя перед ней молиться, так вот она сбоку и будет висеть, и никакой лампадки у ней не будет». Мы с ней страшно сцепились. Бедная матушка Мелания, такая мирная, между нами бегала и разнимала нас, и в конце концов обещала Алле Мих., чтоб ее успокоить, что «завтра утром мы все устроим, только не мучай сестру Лидию». Все пошли спать. Матушка спала одна внизу рядом с церковью, а мы все четверо на 1-м этаже.

Рано утром, часов в 6 или 7, Алла Мих. спустилась вниз, и вдруг раздался крик, такой крик, которого я не забуду никогда: «Катя (она называла Матушку так с юности и до самой смерти), Катя... икона обновилась!» Выскочила Матушка. На этот крик сбежались мы все и были совершенно потрясены — икона действительно засияла! Сразу стало понятно, что эта икона двенадцатых праздников и Воскресения Христова. Это было до такой степени потрясающе, и особенно для меня, которая так сильно против этой иконы возражала. Накануне был день апостола Фомы и у меня было совершенно такое чувство: «Если не увижу, не вложу персты мои... никак не поверю». И Господь мне дал поверить тем, что я увидела. И надо сказать, что 40 лет прошло с момента этого чуда, и я никогда не могу спокойно это вспомнить. У меня было чувство своего глубокого недостойнства, такой сильной вины перед Богом, перед этой иконой, потому что я так активно с ней боролась. И вот сила иконы явилась мне в посрамление, а Алле Мих. за ее постоянное упование и веру.

Все остолбенели, смутились, и я — несчастная, посрамленная. Икона тогда сияла, но еще не была такой, какой она стала впоследствии. Она в течение времени светлела, царапины покрывались как сетью золотом, и такое было ощущение, что она живет изнутри, что все постепенно заживает, как на теле. Уже тогда самый тонкий рисунок прояснился настолько, что можно было сосчитать волосики на хвосте у осла у входа Господня во Иерусалим.

Моментально мы икону сняли со своего места и поставили ее в центр на камин, без всяких споров, и сомнений. В 4 часа дня приехали из Озуар Владыка Евлогий, архимандрит Никон, тогда еще иеромонах Мефодий и отец Александр Чекан. Мы сначала с Матушкой хотели освящать обитель в честь какого-

нибудь праздника Пресвятой Богородицы, но когда рассказали Владыке о совершившемся чуде, то он решил, что явное Божие указание на то, чтоб обитель была Воскресения Христова и указал праздновать 2 раза: частный праздник в день ее обновления, т. е. 20-го октября, а храмовым праздником считать день обновления храма Воскресения в Иерусалиме, т. е. накануне Воздвижения Креста.

С тех пор икона продолжает жить, все больше сияя, просветляясь, наполняясь золотом.

Алла Мих. скончалась первой 4-го марта 1942, Мануил Яковлевич 30-го апреля 1949 и через 3 дня, 3-го мая 1949, скончалась матушка Мелания. Сестра Мария скончалась в день Покрова 14-го октября 1961. Владыка Мефодий, который видел икону черную и потом просветлевшую, скончался 13-го апреля 1974. Осталась — я одна».

Этим заканчивается рассказ сестры Лидии, теперь монахини Феодосии в обители Покрова Пресвятой Богородицы в Бюси.

Дом в Розэ постепенно наполнился питомцами и был оборудован в старческий дом. Там ежедневно совершались богослужения, и обновленная икона особенно чтилась. Перед ней горела неугасимая лампадка, и она постоянно была украшена свежими цветами. Как часто перед ней кто-то молится на коленях, со слезами.

В марте 1972-го года старческий дом был закрыт и обновленная икона торжественно вернулась на почетное место в Аньерскую церковь, где она хранится и чтится доселе.
